

Поэтика сюрреализма в романе Генриха Сапгира «Сингапур»

Термин *сюрреализм* в контексте имени Генриха Сапгира упоминается нечасто. Например, поэт Всеволод Некрасов, размышляя о «секрете эффекта» Сапгира, о месте гения среди многих других интересных поэтов («Были поэты и кроме Сапгира, были и не хуже Сапгира по другим параметрам»), приходит к мысли, что Сапгир был «геометрическим местом точек всех таких слов и понятий: авангардизм, модернизм, экспрессионизм, сюрреализм...» [3, с. 240]. Ю. Б. Орлицкий пишет о том, что «русская поэзия берет на вооружение некоторые приемы сюрреалистического письма довольно поздно, в 1980–1990-е годы. Элементы сюрреалистической образности можно обнаружить в некоторых стихах И. Бродского, Г. Сапгира, Г. Айги; наиболее последовательно работает с сюрреалистической поэтикой в 1970–1980-е годы художник и поэт Лев Кропивницкий» [4, с. 4].

Исследователи феномена сюрреализма в социокультурном аспекте считают, что сюрреализм — «единственное направление художественной культуры, прошедшее через весь XX век, проросшее в век XXI и ставшее жизненной философией нескольких поколений художников. Являясь, по сути, частью эпохи модернизма, сюрреализм обозначил пик развития авангарда в искусстве середины XX века и органично вошел в поэтику постмодернизма» [5]. Мысль о том, что сюрреализм является эстетической предтечей постмодернизма, высказывалась современным литературоведением неоднократно, поэтому будет логичным предпринять попытку анализа поэтики сюрреализма в романе Сапгира — поэта и писателя эпохи формирования и расцвета русского постмодернизма.

Идейная платформа сюрреализма строится на недовольстве существующей действительностью: сюрреализм выступает против мира цивилизации, считает, что нужно отказаться от логики, от привычного восприятия вещей, от традиций, уничтожить привычные представления о нормах человеческих взаимоотношений, чтобы произошло освобождение человека от обязанностей семейных, гражданских, классовых.

Такая свобода как необходимая, органическая составляющая человеческой сущности и существования изображена Г. Сапгиром в романе «Сингапур» в качестве мечты, эталона, некой высшей реальности: герой романа имеет способность к свободным перемещениям из скучной Москвы (Сапгир любит включать в тексты своих произведений детали и объекты реальной жизни, в данном случае в романе упоминается известный московский вуз РГГУ) в яркий и теплый Сингапур. Происходят эти путешествия в другой, экзотический мир в момент соития героя с женой Тамарой, которая здесь, в Москве — инвалид, не может ходить и перемещается на коляске, а в Сингапуре удивительным образом излечивается.

Существование второго, альтернативного московскому, экзотического мира не кажется поначалу герою «Сингапура» сновидением: напротив, оба мира без усилий взаимопроникаемы и существуют самого разного рода подтверждения связи между мирами. Например, герой вымок во время одного из путешествий в экзотическую страну (свалился в воду вместе со слоненком) и это замечает его коллега по московской работе; как посланец от Тамары из Сингапура в Москву к Сперанскому приходит гость — человек со слоновьим хоботом, зовут Элеф. Кстати, упоминание имени Тамара как альтернативного реальному обнаруживается в лирике Г. Сапгира, в стихотворении «Кира и гашиш» из цикла «Голоса. Гротески» героиня называет себя другим женским именем:

Кира
Накурилась гашиша,
Не соображает ни шиша.
Смеется заливается!

Иодковский удивляется:
— Кира!
Что с тобою, Кира?
— Я — не Кира.
Я — Тамара! [7, с. 87]

Идея о сновидческом характере всего происходящего в Сингапуре начинает мучить Сперанского позже, когда герой неожиданно возвращается во время утреннего пробуждения обратно в московскую реальность и выясняет, что он уже много лет живет в браке с Аллой.

Известно, сколько внимания уделяли основатели сюрреализма феномену сна и сновидениям, совмещение образов сна и реальности стало ключевым приемом в поэтике сюрреализма. Андре Бретон писал

в манифесте: «В первый момент после пробуждения человек по преимуществу является игрушкой своей памяти, а в обычном состоянии память тешится тем, что лишь в слабой степени восстанавливает ситуации, имевшие место во сне, лишает сон всякой насущной значимости и фиксирует в нем какую-нибудь одну определяющую ситуацию в которой, как кажется человеку, он за несколько часов до этого расстался со своей важнейшей надеждой, со своей главной заботой» [1].

Герой романа «Сингапур» не случайно характеризует альтернативную реальность как «главная-то жизнь — это теперь: блаженная полоса Сингапура, как новые безвредные наркотики» [6, с. 26]. Сюрреализм создает параллельные миры подсознания (сверхсознания), куда дух человека устремляется на поиски своей духовной родины. Как пишут философы, «в рамках сюрреализма подлинная реальность возможна как реальность свободы, и обретение подлинности мыслится как «прорыв свободы»» [2, с. 763]. Для героя романа Сингапур и есть та духовная родина, где главным критерием подлинности бытия в противовес мнимому бытию является свобода — телесная и социальная.

Выход в подлинную реальность у сюрреалистов возможен не только в пространстве физиологически естественного сна, но и в галлюциногенном пространстве под воздействием наркотических веществ. По сюжету романа Сапгира главный герой употребляет наркотические таблетки, в главах с 14-й по 17-ю описано состояние и видения, вызванные передозировкой: «И представляется мне, будто я иду по улице — и лежу распростерт под мокрой от пота простыней одновременно» [7, с. 96]. Герой, который лежит в больнице после реанимационных мер от передозировки, видит, как «профессор снимает кончиком хобота очки с переносицы» [Там же, с. 103].

Сюрреализм тесно связан с идеями Фрейда и психоанализом, об этом достаточно широко известно. Сюжет романа Сапгира представляет собой, по сути, психоаналитическую технику реконструирования сновидений, а герой обладает, если обратиться к терминам психоанализа, психикой «первобытного» типа, т. е. свободной от ограничений и запретов цивилизации. В главах 9-й и 10-й есть интересные примеры, когда герои (Сперанский и Тамара), находясь у статуи спящего Будды, описывают видения, выполненные Г. Сапгиром в технике фрейдистских сновидений: присутствуют хрестоматийно известные по работам Фрейда образы яйца, гнезда, птенца, когтей и т. д.

Искусство сюрреализма находит «подлинную реальность» в личностно-чувственной сфере. Роман Г. Сапгира безусловно телесен, эро-

тичен, наполнен описанием тактильных, зрительных впечатлений. Герои легко трансформируются в других персонажей, примеряют на себя чужие тела, например, Тамара, рассуждая о возможности остаться в волшебном Сингапуре, превращается в резиновый манекен, монашку, мальчишку-погонщика, забавного слоненка и т. д., испытывая их телесный опыт и чувствования. Описанные метаморфозы даны в фрейдистской методике «свободных ассоциаций» и выражают идею дезинтеграции реальности.

Легко меняется в романе и повествователь: созданы две версии — мужской и женский варианты, повествование переходит от женского персонажа к мужскому («Но вернемся назад, если вы уже не забыли, туда — к моему мужскому, вкупе с Таней, варианту Сингапура» [6, с. 26]), что, естественно, меняет телесную образность и точку зрения в соответствующем фрагменте. Впрочем, в романе не только несколько версий повествователей, но и несколько вариантов финала, а именно 13. Эту вариативность возможных жизней осознают и сами персонажи: «В первом варианте к Арбату мне идти было совсем близко. А во втором я шел через Котельническую набережную к Солянке» [Там же, с. 77].

Представленный в романе тип телесности — это определенный тип организации и структурирования опыта (как индивидуального, так и коллективного), механизм работы сознания, «материя» мысли, первичная по отношению к самой мысли и задающая способ ее развертывания. Можно говорить, что в романе Г. Сапгира телесность — это «фигура» мысли. Прекрасно иллюстрируют эту идею описанные в романе способности третьей женской героини, Татьяны, которая может воплощать свою мысль физически, и эти «картинки», как называют их герои, видят окружающие.

Текст в прозе Г. Сапгира очень густой, насыщенный, не дающий возможности читателю расслабиться: надо следить за метаморфозами образов, сюжета, сменой повествователя. Г. Сапгир везде расставляет крючочки, играет с читателем, в том числе и используя словесную игру, которую следует отметить в контексте других приемов литературного сюрреализма:

Я обернулся: давешний слоненок — совсем близко, маленькие глубоко сидящие глазки, честное слово, улыбались.

— Привет.

— Привет, — повторил я машинально.

— А я к тебе, по поводу статьи, кутьи и тому подобной галиматии...

— Послушай, — растерянно пробормотал я, — почему ты не там, а здесь? И что за дикость затягивать хоботом и топить в гнилой воде?

— Что ты имеешь в виду? В воде, в виду или в аду? — недоумевал словенек. — Я пришел, чтобы посоветоваться. И в журнале я тебя не топил, а наоборот... [6, с. 15].

В романе можно увидеть также отдельные приметы автоматического письма, в виде эллипсических конструкций, фрагментарного синтаксиса.

Попытку объяснить особенности сюрреалистической поэтики романа «Сингапур» закончу замечанием, что Г. Сапгир действительно был в Сингапуре (он рассказывал об этом в одном из интервью) и так же, как Сапгир описывает реалии Москвы, он описывает реально существующий герб Сингапура (странная фигура льва-русалки), пятки и дактилоскопические узоры на подошвах реальной статуи лежащего спящего Будды.

1. *Бретон А.* Манифест сюрреализма [Электрон. ресурс]. URL: <http://www.surrealism.ru/gr.html>

2. *Можейко М. А.* Сюрреализм // Всемирная энциклопедия: Философия. XX век / гл. науч. ред. и сост. А. А. Грицанов. Москва ; Минск, 2002.

3. *Некрасов В.* Сапгир // Некрасов В. Великий Генрих. Сапгир и о Сапгире М., 2003. С. 233–256.

4. *Орлицкий Ю. Б.* *Сюрреализм* // Литература. 2001. № 7. С. 4.

5. *Рокунова Н. И.* Сюрреализм в социокультурном контексте постмодернизма : дис. ... канд. культурологии. Саранск, 2008 [Электрон. ресурс]. URL: <http://www.lib.ua-ru.net/diss/cont/281675.html>

6. *Сапгир Г.* Сингапур // Сапгир Г. Армагеддон : мини-роман, повести, рассказы. М., 1999.

7. *Сапгир Г.* Складень. М., 2008.